Алексей Шамаев

Клан Барз-Хай

Пирамида костей

18+

Алексей Шамаев

Клан Барз-Хай: Пирамида костей

«Автор»
2026

Шамаев А. Ю.

Клан Барз-Хай: Пирамида костей / А. Ю. Шамаев — «Автор», 2026

Были времена, когда боги ходили по земле, когда их голоса звучали в ветре, а их милость была явлена в каждом восходе солнца. Это было время Чистого Творения, эпоха Серебряных Рассветов. Но боги ушли. Не в один день и не по одной причине. Одни, устав от вечности, уснули в глубинах звездных бездн. Другие, разочаровавшись в своих творениях, отвернулись, погрузившись в холодное равнодушие. Третьи погибли в войнах, которые велись на небесах задолго до того, как первые камни Бригги легли в её фундамент.Теперь от них остались лишь имена, которые произносят в клятвах и проклятьях. Силы, которые они оставили после себя — магия, духи стихий, древние артефакты — обрели собственную волю, а иногда и голод. Мир не умер, но он тяжело болен. Он живёт в состоянии хронического, гниющего заката.Для таких, как клан Барз-Хай, это просто Мир. Мир, где солнце встает над руинами, где леса помнят древнее зло, а в подземных глубинах шепчутся забытые сущности, жаждущие обрести форму.

© Шамаев А. Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Мир, забытый богами 6
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Алексей Шамаев
Клан Барз-Хай: Пирамида костей

Выражаю огромную Благодарность моей жене Шамаевой Марии и Вадиму Шугаеву. Вы лучшие редакторы, которые когда-либо у меня были.

Пролог

Мир, забытый богами

Когда-то мир звался иначе. Были времена, когда боги ходили по земле, когда их голоса звучали в ветре, а их милость была явлена в каждом восходе солнца. Это было время Чистого Творения, эпоха Серебряных Рассветов. Но боги ушли. Не в один день и не по одной причине. Одни, устав от вечности, уснули в глубинах звездных бездн. Другие, разочаровавшись в своих творениях, отвернулись, погрузившись в холодное равнодушие. Третьи погибли в войнах, которые велись на небесах задолго до того, как первые камни Бригги легли в её фундамент.

Теперь от них остались лишь имена, которые произносят в клятвах и проклятьях, да руины их храмов, разбросанные по лесам и горам. Силы, которые они оставили после себя – магия, духи стихий, древние артефакты – обрели собственную волю, а иногда и голод. Мир не умер, но он тяжело болен. Он живёт в состоянии хронического, гниющего заката.

Этот мир не имеет единого названия. Картографы называют его Нурл. Старейшины – Старой Землёй. Для таких, как клан Барз-Хай, это просто Мир. Мир, где солнце встает над руинами, где леса помнят древнее зло, а в подземных глубинах шепчутся забытые сущности, жаждущие обрести форму.

Глава 1

Еловые ветви цепляли и кололи грубую кожу Лурца, а он, ворча сквозь зубы, раздвигал их своими жилистыми зелёными руками. Хвоя норовила залезть в глаза, застрять в ушах, а одна особенно наглая ветка ухитрилась полоснуть по щеке, оставив красноватую царапину. Лурц зашипел и тихо выругался, обещая мысленно, что, если встретит древнего духа этого леса, лично выломает ему хвойный позвоночник.

Кожа у орков, конечно, была толще, чем у людей или этих тонкошкурых эльфов, но это не значило, что они ничего не чувствовали. Наоборот – чуткость была ещё та, лучше, чем у хвалёных подгорных дроу, которые, между прочим, гордились своей «тонкой сенсорикой». Лурц был не просто орком-бродягой, а говорящим с духами. Он мог уловить дыхание ветра, услышать, как паук чинит свою паутину в трёх шагах от него, и почувствовать, как земля под ногами хранит чужие следы.

Но всё это не спасало от одной простой и неприятной истины: он уже битый час бродил по этой хвойно-берёзовой западне и порядком устал от бесконечного рандеву с колючками и низкими ветками. Каждое десятое дерево, казалось, имело личную обиду на него и старательно било по лбу сучком.

Где-то здесь, глубоко в тёмной чаще, прятался клан Барз-Хай. Пристанище отпетых мерзавцев, свободных голов и всякой швали, которая не нашла себе места в этом до тошноты прогнившем и погибающем мире. Клан был известен только в узких и крайне сомнительных кругах, зато славился тем, что брался практически за любую грязную работёнку и, как правило, доводил дело до конца.

Другое дело, что «довести до конца» у Барз-Хай означало не совсем то, что подразумевал заказчик. Хотели вернуть похищенную дочку местного дворянина – вернули… только с шеей, сломанной об крепостную стену. Мечтали заполучить древний артефакт – пожалуйста, вот он, слегка треснутый, чуть разряженный и почему-то пахнущий навозом. Но, надо отдать должное, труп или обломки всегда доставлялись точно в срок, с аккуратной подписью клана.

Жили в клане существа всех мастей, которых только можно встретить в этом богами забытом мире. Здесь мог в одной хижине храпеть орк, пить в соседней комнате гном и ругаться с каким-то полукровным демоном. Разве что людоящеров не хватало – но они были слишком конфликтными и жили исключительно среди себе подобных. Остальных, впрочем, жизнь уже

так потрепала, что вопросы совместимости решались просто: если ты не пытаешься сожрать соседа прямо за ужином, значит, можно ужиться.

Внезапно – вжуххх! – что-то блеснуло в воздухе. Перед лицом Лурца пролетел кривой нож и, с мерзким звуком вонзившись в сосну, задрожал, словно в предвкушении драки. Орк даже не моргнул, но бровь у него всё-таки дёрнулась.

– Ты топочешь, как стадо быков, Лурц, – раздался насмешливый голос из-за деревьев. – Эдак ты всю нашу маскировку к троллей матери сведёшь!

Лурц хмыкнул, медленно потянул нож из дерева и задумчиво осмотрел лезвие, решая, стоит ли метнуть его обратно… или сперва ответить словами.

– Гимор! Мерзкий маленький говнюк! – рявкнул Лурц так, что с соседней ели слетела ворона. – В следующий раз этот нож окажется у тебя в жопе!

Из-за ствола вылез гоблин, скривив свою уродливую ухмылочку, от которой у орка начаналось несворение. Глаза его, мутные и безжизненные, блестели в тусклом свете, как лужи застоявшейся воды, полные плесени, а зубы выглядили как покосившийся плетень у брошенной лачуги.

– А силёнок-то хватит, недоорк ты наш? – прохрипел он своим сдавленным голосом, в котором была и насмешка, и какая-то опасная нотка. – Как твоя мамаша под орка легла – до сих пор понять не могу!

Гимор расхохотался, причём так громко, что птицы снова вспорхнули, а где-то неподалёку встревоженно завыл пес.

Если когда-нибудь судьба сведёт вас с самым подлым, хитрым и изворотливым гоблином в мире – считайте, что вам повезло… потому что Гимор хуже. Хуже настолько, что в 9 из 13 регионов Нурла он приговорён к повешению, и только потому, что в остальных четырёх его не знают в лицо. Пришёл в Барз-Хай он сам, без приглашения, и уже через месяц стал левой рукой командира. С этого момента у него появилась почти безграничная власть и уважение клана, хотя слово «уважение» тут скорее значило «боимся и стараемся обходить стороной».

Характер у него был прескверный. Попадёшь под горячую руку – и считай, уже валяешься в канаве без сапог и без половины зубов. Изворотливый, как уж, в честной драке он никого не победил… но честно он и не дрался никогда. Всегда у него была пара козырей в рукаве – от ядовитой иглы до заранее подкупленного свидетеля, который подтвердит любую его ложь.

Сегодня Гимор был в своей видавшей виды чёрной кожаной броне, местами залатанной чем-то подозрительно похожим на высушенную кожу тролля. На спине висели два меча настолько отвратительного качества, что после каждой битвы превращались в жалкие волны, но гоблин их правил, как любимую игрушку, и снова бросался в бой.

– Я больше никогда с тобой пить не буду! – заорал Лурц, тыкая пальцем в гоблина. – Я ж тебе скатзал – это между нами! А ты раззвонил всему клану, и теперь меня никто, кроме как “недоорком” или “союзом любви портовой шлюхи и тупого орка”, не называет!

Лурц был полуорком, мать с отцом он никогда не знал. Вырос в сточных канавах Бирги – столицы разврата, торговли и сифилиса, где крысы живут дольше некоторых людей.

– А я ж тебя в первую нашу встречу предупредил, что я балабол, и мне ничего доверять нельзя! – Гимор ухмыльнулся так, что захотелось ему зарядить кулаком по лбу. – Сам дурак!

– Да пошёл ты… – процедил сквозь зубы Лурц.

– Ладно, не дуйся, кабачок, – отмахнулся гоблин. – Пошли к нашим. Айвор тебя уже заждался, а высшего вампира ждать – себе дороже. Он, знаешь, терпеливый, но только пока сыт. А ты – свеженький, мясистый… и, между прочим, очень пахучий.

Гимор подмигнул, а Лурц, ворча, зашагал следом, думая, что, возможно, в этот раз он всё-таки воткнёт нож в задницу этого гоблина… но позже. Сначала – клан.

Вдвоём они пробирались сквозь лес ещё минут пятнадцать. Лурц то и дело злился сам на себя – в который уже раз он заблудился в этих одинаковых, как братья-близнецы, ёлках и берё-

зах. Казалось, весь лес был сплошной шуткой богов: куда ни глянь – одинаковые деревья, одинаковые заросли, одинаковый хруст веток под ногами. И только Гимор, мерзкий коротышка, шагал впереди так уверенно, будто это не лес, а его собственный захламлённый чулан.

Обычно Лурц ходил в лес не один – всегда находился кто-то, кто знал тропу к стоянке клана. Так проще и спокойнее: не свернёшь не туда, не заблудишься, не услышишь потом неделю насмешки от всей этой разношёрстной кодлы. А вот сейчас – влип. И влип основательно.

Он прекрасно понимал: Гимор теперь расскажет абсолютно всем, что «глупый недоорк» не смог найти даже чёртову поляну, где клан всегда собирался. И завтра за ужином уже каждый второй будет тыкать в него ложкой и ржать, а каждый третий приплетёт какие-нибудь новые мерзкие подробности про его «происхождение».

– Проклятый гоблин… – буркнул Лурц себе под нос, отмахиваясь от ветки, которая едва не выбила ему глаз.

– Я слышу, – отозвался Гимор, даже не оборачиваясь, и его противный смешок поплыл между деревьев, словно сорока крикнула. – Ты почаще это повторяй, я от таких слов только жирнее становлюсь.

Лурц сжал кулаки. Очень хотелось врезать. Или хотя бы наступить этой крысе на хвост. Но он знал – потом пожалеет. Потому что Гимор не забывает. Никогда.

А впереди уже начинало чувствоваться что-то странное. Лес будто густел, темнел, воздух стал тяжелее и тише. Даже птицы исчезли. И Лурц понял – они приближаются к поляне Барз-Хай, к самому логову клана, где заканчивались насмешки и начинались настоящие неприятности.

Клан Барз-Хай облюбовал себе огромную поляну прямо в сердце леса, словно нагло вырвал её у самой природы. И если ты не знаешь, где искать, то лучше и не пытайся – лес не любит чужаков. Попробуешь свернуть чуть раньше с натоптанной тропинки – и окажешься в логове сетеплётов, пауков размером с корову. Попробуй пройти дальше – и лесные огоньки заметят тебя. Эти дрянные светляки завлекут, закружат, заморочат голову, и через час ты уже сам с радостью шагнёшь в топь. А там всё: даже костей твоих никто не найдёт, останешься кормом болотным тварям.

Впрочем, опасности леса не исчерпывались только пауками и блуждающими огнями. Тут водились звери и похуже медведя. Гораздо хуже. Существа, которые и сами были почти легендой, – о них говорили шёпотом у костров, но даже самых храбрых трясло при мысли встретиться с ними лицом к лицу.

И вот, раздвинув еловые лапы, Лурц и Гимор наконец вышли на ту самую поляну. Огромную, будто без конца и края, словно сама земля раздвинулась ради этого места. В центре поляны возвышалась исполинская корабельная сосна – древо, которое, по слухам, помнило рождение этого мира.

Клан относился к ней с почтением, как к святыне. Все остальные деревья на поляне за годы ободрали, изрубили, выкорчевали – на дрова, на постройки, на оружие. Но к сосне никто даже не прикасался. Это было негласное правило. Нарушь его – и тебе не поможет даже сам Айвор.

Единственное повреждение на стволе было особенным. В сосне торчал обломанный клинок. Когда-то давно Девять – бывший глава клана, предшественник Айвора, – воткнул туда свой меч, уходя навсегда. Говорят, он сломал клинок намеренно: эфес забрал с собой, а лезвие оставил в дереве, как напоминание о былых временах Барз-Хай. Временах, когда клан считали не шайкой разрозненной швали, а настоящей силой, с которой считались даже королевства.

И до сих пор каждый, кто приходил на поляну, первым делом бросал взгляд на этот клинок. Для одних он был символом предательства, для других – утраченного величия, для тре-

тьих – просто ржавым куском железа. Но все, даже самые отчаянные, обходили его стороной, будто он и вправду жил своей жизнью и ещё мог укусить.

Свободное место на поляне оставалось только вокруг той самой сосны – священной и неприкасаемой. Всё остальное пространство было застроено кто во что горазд: крохотные лачуги из гнилых досок, кривые палатки из драных шкур и обгоревшего парусного полотна, шатры, сплетенные из старых веток и тростника. Кто-то украшал своё жилище пёстрыми тряпками и черепами, кто-то – железными кольцами и ржавыми цепями. Вся эта пёстрая куча выглядела так, будто кочевые племена из десятка разных миров решили собраться на одном куске земли и дружно построить свалку.

Улиц как таковых не было: между лачугами протоптаны кривые тропки, заваленные костями, глиной и мусором. У каждого костра своя компания, и каждая – хуже предыдущей: орки спорили с гномами, гоблины сновали туда-сюда, пытаясь что-то украсть или всучить, эльфы-изгои сидели в тени и презрительно косились на всех остальных. Где-то гремела музыка из костяных флейт, где-то хрипло пел пьяный орк, а рядом с ним два хоббита спорили о том, кто вкуснее готовит.

Особенно воняло вокруг кузницы – или того, что гордо называли кузницей. В ней полу ослепший циклоп целыми днями лупил по железу, от которого искры летели в разные стороны. Его молот был настолько тяжёл, что земля дрожала с каждым ударом. Впрочем, качество оружия, которое выходило из-под его рук, было спорным – но никто не осмеливался говорить ему это в лицо.

На общем фоне выделялись только три постройки, которые и создавали хоть какое-то ощущение порядка в этом балагане. Первая – крепостная стена. Точнее, частокол из трёхметровых заостренных бревен, вбитых в землю по кругу. Снаружи он выглядел так, словно его строили пьяные орки и трезвые гоблины одновременно, но, надо признать, стенка внушала уважение. Дважды на неё нападали – один раз лесные огоньки привели сюда целую стаю волколаков, другой раз – местные бандиты решили “поживиться”. Ни те, ни другие обратно не ушли.

Вторая постройка – таверна. Она стояла ближе к центру и была сделана добротно, явно не руками местных лентяев. Говорили, что когда-то её построил наёмный плотник за щедрую плату, а потом его же там и повесили – за то, что он слишком много знал. Внутри таверны всегда стоял шум: гул голосов, звон кружек, вонь дешёвого пойла и перегара. Там решались мелкие ссоры, заключались сделки и часто находили себе похмельную смерть.

И, наконец, Зал совета. Большой шатёр, сшитый из десятков полотнищ, скреплённых шипами и кожаными ремнями. На его вершине торчал флаг Барз-Хай. Флаг сразу бросался в глаза. На чёрном, закопчённом полотнище в центре красовалась красная четырёхконечная звезда – острая, будто вырезанная из крови и стали. Между её лучами, словно тень, пробившаяся наружу, была вписана ещё одна звезда – белая, тоже четырёхконечная, но чуть меньше, как будто прячущаяся внутри красной.

Говорили, что красная звезда символизировала ярость, кровь и силу клана, а белая – холодный расчёт и хитрость, что всегда скрывается за грубой работой. Вместе они напоминали о том, что клан никогда не действовали только грубой силой или только хитростью. Их сила была именно в сочетании: удар и обман, кровь и разум, нож в сердце и яд в кубке.

На ветру флаг колыхался так, будто обе звезды спорили друг с другом за место под солнцем. Кто-то видел в этом предвестие будущих раздоров в клане, а кто-то – символ того, что Барз-Хай всегда будет жить на грани, балансируя между силой и предательством. Там собирался глава клана и его приближённые, чтобы решать дела – от новых заказов до вопроса, кто будет мыть котлы после пиршества.

Лагерь жил своей шумной, вонючей и опасной жизнью. И каждый, кто входил сюда, сразу понимал: если он здесь чужак, то надолго он чужаком не останется. Либо станешь своим, либо станешь удобрением для здешних грибов.

Глава 2

– Здорово, Лурц! – раздалось сверху.

С крепостной стены, легко как кошка, спрыгнул человек на вид самый обычный – крепкий, жилистый, с широкой улыбкой, от которой сразу теплее становилось, хоть ты и знал, что за этой улыбкой скрывается пара сломанных челюстей его врагов. Но это был не человек. Это был Мамон – гордость Барз-Хай, самый высокий и здоровый хоббит во всём Нурле. По крайней мере, большего никто нигде не встречал. Ростом Мамон был как средний человек, но плечами не уступал лучшему гномьему кузнецу.

Он обнял Лурца по-медвежьи так, что у того хрустнули рёбра.

– Уже вернулся? Ну, как успехи? – спросил Мамон, чуть отстранившись.

– Сначала к Айвору, потом всем трепать будешь, – хлестнул его властным тоном Гимор, как будто он тут главный.

– Понял, не отвлекаю, – сразу сробел Мамон и поднял руки, будто сдаётся. – Но ты вечером загляни, посидим, поговорим. Матушка из деревни кое-чего прислала… закачаешься.

Гимор скривил свою кривую улыбку и хихикнул:

– Ну, вы пара что надо: недоорк и перехоббит!

Он заржал, будто ворона сдохла, и, даже не оборачиваясь, пошёл к Залу совета.

– Пошёл ты, Гимор! – рыкнул Лурц ему вслед. – Я, между прочим, девок люблю!

В ответ гоблин только показал неприличный жест, даже шага не сбавив.

– Пойду я, – буркнул Лурц. – Чем быстрее отвяжусь от этого гоблина, тем легче будет.

Мамон махнул рукой в знак поддержки и пошёл к своей лачуге, а полуорк с тяжёлым вздохом направился к шатру совета, туда, где его уже ждал Айвор.

Зал совета Барз-Хай возвышался над лагерем, как сердце чёрного зверя. Снаружи он выглядел как груда чёрной ткани, которую ветер всё время норовил поднять и утащить, но ткань не поддавалась. Никто не знал, из чего на самом деле были сделаны эти полотнища. Ходили слухи, что Айвор заставил некромантов сшить их из человеческой кожи, вываренной в крови. Правда это или нет – спрашивать не решался никто.

Когда Лурц вошёл внутрь, его сразу обдало густым холодом. Воздух там был тяжелее, чем снаружи, будто сам шатёр пил жизнь у тех, кто переступал его порог. Сквозь прорехи почти не проникал свет костров, а редкие факелы внутри горели тускло, словно боялись ярко разгораться.

Вдоль стен стояли массивные кресла и стулья, сколоченные из дерева и металла, каждое принадлежало приближённым. На столах коптились свечи, вытесанные из какого-то серо-зелёного жира, и чад от них был густым, почти ядовитым. Пахло старой кровью, сыростью и прелой землёй. В углах шатра тянулись вверх длинные тени – казалось, они двигались сами по себе, а не от огня факелов.

И посреди этого мрака сидел Айвор.

Глава клана выглядел на первый взгляд как человек лет двадцати пяти: высокий, стройный, с правильными чертами лица. Красивый до абсурда – настолько, что даже самые закалённые разбойники втайне завидовали, а женщины (и не только женщины) теряли дар речи при одном его взгляде. Но стоило задержаться на нём чуть дольше, и становилось ясно – это не человек.

Глаза его были слишком внимательными, холодными, и в них светилась бесконечность веков. Его кожа была бледна, словно он никогда не видел солнца, но гладка и безупречна, как мрамор. Длинные чёрные волосы спадали на плечи, а движения были такими точными и спокойными, что рядом с ним все остальные казались неуклюжими животными.

Айвору было уже не одно столетие. Никто не знал точно, сколько именно – одни шептали, что триста лет, другие говорили про целую тысячу. Но все знали одно: за это время он видел и империи, и войны, и предательства, и падения – и пережил всех.

Его логово отражало его суть. В шатре стоял длинный чёрный стол, покрытый картами, черепами и стопками пожелтевших пергаментов. У дальней стены возвышалось кресло – скорее трон, чем сиденье, сделанный из кости и чёрного дерева. И именно там сидел Айвор, положив ладони на подлокотники и чуть склонив голову, словно вслушивался в вечность.

Когда Лурц вошёл, взгляд вампира упал на него – мягкий, почти доброжелательный, но такой, что внутри всё похолодело. Это был взгляд существа, которое не просто видело твой страх, но и могло его выпить, как вино.

– Лурц, – голос Айвора был низким и глубоким, словно шёл из-под земли. – Я ждал тебя.

Лурц почувствовал, как пересохшее горло сдавило так, что даже сглотнуть стало пыткой. Это чувство – словно внутри вырос железный обруч – он испытывал всякий раз, когда взгляд Айвора задерживался на нём. И плевать, что они знали друг друга уже восемь лет, каждый раз всё было так, будто он впервые попал под этот холодный, вечный взор.

– Здравствуй… Айвор, – выдавил из себя орк, чувствуя, как слова выходят тяжёлыми камнями.

– Присаживайся, – голос вампира был ровным, не терпящим возражений. Лёгким движением руки он указал на пустой стул сбоку, и тот словно сам скрипнул по полу, пододвигаясь ближе. В воздухе остался след магии – резкий, как запах грозы.

Лурц сел. Он старался не отводить взгляда, но и смотреть прямо в глаза Айвору было выше его сил.

– Сейчас, – продолжил вампир, чуть откинувшись в своём троне, – ты мне всё расскажешь. А потом я соберу совет клана, и ты расскажешь это ещё раз. Только, возможно, некоторые детали… тебе придётся опустить.

– Шпион? – не выдержал Лурц, удивлённо вскинув голову.

Гимор, сидевший до этого молча у стены, демонстративно сплюнул на земляной пол. Лурц даже дёрнулся – он уже успел забыть, что гоблин был здесь.

Айвор лишь чуть заметно улыбнулся уголком губ.

– Может быть, – протянул он с той самой тягучей интонацией, от которой мороз пробегал по спине.

– Тогда… – Лурц выдохнул и перевёл взгляд в сторону. – Тогда пусть Гимор выйдет. И, наверняка… – орк сглотнул второй раз, – где-то в тени стоит Динарх. Я угадал?

Ответа не понадобилось.

За его спиной воздух дрогнул. Тень, до этого казавшаяся обычным пятном от шатра, словно ожила и отделилась от стены. Из неё шагнул силуэт, высокий и совершенно чёрный, будто сотканный из самой ночи. На миг Лурцу показалось, что перед ним вовсе не человек, а сама тьма, обретшая форму.

Факелы дрогнули и приглушились, словно опасаясь освещать его.

Фигура медленно опустила капюшон чуть ниже, так что лица всё равно нельзя было разглядеть. В свете свечей блеснули лишь два глаза – тусклые, серые, как камень на дне могилы.

Это был Динарх. Личная тень Айвора, его вечный телохранитель и палач. Никто в клане так и не узнал, кто он на самом деле. Одни считали, что это человек, давным-давно проклятый вампиром. Другие шептали, что это вовсе не живое существо, а ожившая тень, слуга, сотканный из крови и магии.

Он ничего не сказал. Просто стоял – неподвижный, как сама смерть.

В шатре стало ещё холоднее. Даже Лурцу, привыкшему к страху и крикам сражений, хотелось вскочить и выбежать наружу, лишь бы не чувствовать этот безмолвный взгляд за спиной.

Айвор слегка склонил голову, будто проверяя реакцию орка.

– Вижу, догадка твоя не случайна, – произнёс он. – Хорошо. Тогда говори. Но помни, Лурц… – глаза вампира блеснули в полумраке, и он чуть наклонился вперёд. – Здесь не место для лжи.

Когда за Гимором и Динархом опустился полог, в шатре повисла тишина, которую можно было резать ножом.

Лурц, всё ещё чувствуя на себе след холодного взгляда Динарха, медленно сунул руку за пазуху своей меховой жилетки. Сердце стучало так, что гул отдавался в ушах. Он достал смятый, мокрый от пота и крови листок и протянул его Айвору.

На бумаге, развернувшейся в бледных пальцах вампира, красовалась эмблема: изящная корона, словно выточенная из самого льда. Лёд, который никогда не тает.

– Что это? – тихо спросил Айвор.

– Это знак… северной короны, – выдавил Лурц, чувствуя, как язык становится сухим, будто его посыпали песком. – Клана, который уже не первый год наступает нам на пятки, вождь…

Слова ещё не успели повиснуть в воздухе, как фигура Айвора изменилась. Он словно вырос, вытянулся, заполнил собой всё пространство шатра. Стены, свечи, воздух – всё стало тесным, давящим. Его глаза вспыхнули алым, как два рубина, налитые кровью, а вокруг тела колыхнулась аура – тёмная, как ночь, и холодная, как могила.

– Я вижу, что это северная корона, Лурц, – голос вампира звучал теперь, как раскаты далёкого грома. – Ты считаешь меня идиотом? Я глава клана. Я знаю все кланы этого мира. Я знаю, кто и когда ходит в сортир, кто спит с чьей женой, сколько у кого мечей и сколько монет в кармане. – Он сделал шаг вперёд, и стул под Лурцом жалобно заскрипел. – Думаешь, мне нужно объяснять, чей это символ?

Лурц почувствовал, как по спине стекает ледяной пот.

– Я спрашиваю, – прорычал Айвор, и в этот миг его аура нависла над орком, – что северная корона сделала с моим артефактом?!

Орк вжал голову в плечи, стул под ним жалобно треснул.

– В-вождь… – прохрипел он. – Северная корона его перехватила. Я не знаю как… не знаю, знают ли они о его силе. Но они вырвали его из лап торговца. Разбили весь его караван на подходе к Армиру.

Лурц сглотнул, и голос его стал тише:

– Там… не было выживших. Восемьдесят охранников, двадцать слуг, сам торговец… всех они вырезали. А тела… – орк сжал кулаки, будто хотел вытолкнуть из головы воспоминание. – Они сложили их в некую… скульптуру. Башню из трупов. И сверху, на кол, они посадили нашего торговца.

На миг в шатре стало совсем тихо, и лишь потрескивание свечей напоминало, что время ещё идёт.

– А бумагу… – продолжил Лурц глухо, – я нашёл во рту торговца. Запихнули её так глубоко, что пришлось… вытаскивать с усилием.

Айвор застыл. Его аура дрогнула, словно собираясь ударить, но вдруг схлопнулась. Его фигура снова уменьшилась, плечи слегка опустились. Перед Лурцом снова сидел всё тот же холодный, невозмутимый человек – красивый мужчина, который будто бы и не способен на гнев.

– Понятно, – тихо произнёс он, кладя листок на стол.

Айвор задумался и медленно провёл кончиком языка по острому клыку. Для обычного человека это движение показалось бы странным, даже пугающим – слишком длинный зуб, слишком неестественный блеск во взгляде. Лурц машинально коснулся своих массивных клыков, торчащих из-под нижней губы. Орк выглядел как классический представитель своего

народа: зеленоватая кожа, бугристые мышцы, грубое лицо. Но отличие было: ростом он был лишь с обычного человека, и кожа не ярко-зелёная, а скорее сероватая, будто серая глина, пропитанная дымом.

– Скажи мне, Лурц, – голос Айвора оборвал тягостную паузу, – ты не видел там… чего-либо странного?

– В каком смысле «странного»? – насторожился орк. – А скульптуры из трупов тебе недостаточно?

– Я имею в виду письмена, символы, рисунки… – уточнил вампир, и в его голосе прозвучала почти осязаемая тревога.

Орк нахмурился, пытаясь вспомнить.

– Рисунки… А знаешь, было. За статуей, прямо на земле. Как будто что-то выжжено огнём. Я сперва подумал – костёр разгорелся, да не так. Слишком ровно и слишком глубоко.

Айвор напрягся, его пальцы сжали подлокотники кресла так, что древесина тихо скрипнула.

– Ты помнишь этот знак?

Он сделал лёгкий жест рукой, и в воздухе вспыхнули тонкие голубые линии. Они складывались в символ – трезубец с изогнутыми краями, словно когти. Знак парил в воздухе, медленно вращаясь.

Лурц сглотнул.

– Похож. Только там линии были толще… тяжелее, будто сама земля горела изнутри.

– Твою… – тихо, но с яростью прошипел Айвор. Его глаза вновь сверкнули рубиновым светом, и в комнате на миг похолодало, словно пламя свечей боялось гореть рядом с ним. – Немедленно зови Совет. У нас проблемы.

– Всё так серьёзно? – осторожно спросил Лурц.

Айвор наклонился вперёд, и его лицо, обычно прекрасное и безмятежное, стало мрачным и жестоким, словно маска древнего демона.

– Да. Это Семендэйские Братья.

Глава 3

От чадящих зелёных свечей резало глаза, и воздух в шатре густел, как болотный туман. Запах горелой смолы, пота и пролитого вина смешивался с тяжёлым дыханием десятков тел. В шатёр набилось прилично народу – вся элита клана «Барз-Хай» со своими помощниками, и каждый занял своё место за круглым дубовым столом. Дышать становилось всё тяжелее, словно сама ночь опустилась на плечи присутствующих.

По правую руку от Айвора сидел Динарх – суровый, поджарый воин с лицом, на столько отсутсвующим, что эмоций на его лице не мог понять никто. Казалось, что у него нет эмоций, а есть только долг и желание убивать.

Слева от Айвора стоял Гимор —полная противоположность Динарха. Лицо у него было широкое, с вечно прищуренными глазами, как будто он смеялся над всеми одновременно. Его грубая броня была покрыта зарубками и вмятинами – каждое сражение оставило на ней след, и Гимор носил её с гордостью. Говорили, что он может выпить ведро эля и через минуту пойти в бой, будто ничего и не было.

Чуть дальше сидел Арканиан, главный воин клана. Он никогда не снимал свои доспехи – ни днём, ни ночью, ни в бою, ни в покое. Его глухой шлем закрывал все лицо, и лишь пара колючих глаз холодного убийцы сверкала из-под тени. Его руки лежали на эфесах двух мечей

– одинаковых, верных, словно продолжение его рук. Когда он входил в шатёр, даже свечи, казалось, горели тусклее.

Рядом с ним – его собрат по оружию, эльф, которого все звали Зелененький. Его настоящее имя знали лишь немногие, но даже они перестали его употреблять. Вечный зелёный плащ, цвета сонной травы после дождя, был его визитной карточкой. Он был немой – язык ему отрезали в плену какие-то добрые, как тогда сказали, нелюди. Теперь его голосом были руки: быстрые, точные, смертоносные. А глаза Зелененького, зелёные и насмешливые, выражали больше, чем тысяча слов.

Хмель, хозяйка таверны, сидела с лёгкой улыбкой, будто сама не верила, что попала за этот стол. Её смех, звонкий и заразительный, разносился по шатру, но в нём пряталась жёсткая нота. Всякий пьяница, что пытался грубо к ней приставать, потом неделями ходил с синяками, а то и вовсе не вставал. Её руки были быстры и крепки, и даже Лурц подозревал, что именно она, а не холодный вампир, держит клан в кулаке.

Дальше сидел, Торен – человек с белыми, как снег, волосами и хитрыми маленькими глазами. В шатре он вёл себя тихо, почти скромно, но его улыбка была такой, что любой сразу вспоминал о кинжале в спину. Он пришёл недавно, из другого разрушенного клана, но словно с детства знал, как устроен мир «Барз-Хай». Торен говорил мало, но каждое его слово всегда находило отклик – то ли из-за правды, то ли из-за скрытой угрозы.

Главный оружейник клана, гном Флоин, сидел низко, едва доставая подбородком до края стола. Его густая борода, переплетённая металлическими кольцами, лежала прямо на груди. Рот он открывал редко, предпочитая слушать, а когда говорил, то старался глотать слова. Всё потому что его писклявый голос никак не вязался с суровой внешностью. Но каждый, кто слышал его советы по оружию, знал: лучше один раз послушать писк, чем потом остаться без головы.

А рядом с ним стоял Гиви – безбородый, что для гнома было позором, но сам он будто никогда не замечал этого. Рослый, широкоплечий, с вечной улыбкой до ушей. Его любимая секира всегда была при нём, и, казалось, если её убрать, Гиви умрёт. Он смеялся громче всех, пил больше всех и в бою орал так, что у врагов дрожали руки. Гиви был живым праздником, но тот, кто пробовал испытать его весёлый нрав, потом очень жалел.

Полог шатра качнулся, и внутрь просунулось лицо ещё одного гостя. Хоббит с черняВыми, спутанными волосами и глубоким шрамом, перечёркивающим всё лицо, замер на мгновение в проёме.

– Можно мне войти? – хрипло спросил он.

– Заходи, Фарго! – рявкнул Гиви, оперевшись на секиру. – Только тебя и ждали…

Хоббит семенящим шагом пересёк шатёр и, не дожидаясь приглашения, уселся между Зелененьким и Флоином. Воздух дрогнул от едва заметного шороха – Айвор поднял руку, требуя тишины.

– Начнём, – сказал он. Его голос был холодным, будто дохнуло из склепа. – Лурц, докладывай.

У полога застыл орк, сутулясь и не решаясь приблизиться к столу: место среди старших ему пока не положено. «Недорос до больших дядек», – как любили подшучивать остальные. Он быстро пересказал свой доклад. В шатре повисла тяжёлая тишина.

– Гребанный ублюдок Эш, – процедил Гимор. – Ненавижу его! Я так и знал, что когда-нибудь он принесёт беду…

– Это всё потому, что ты завидуешь, что в этом мире есть гоблин покруче тебя, Гимор! – взревел Гиви, и шатёр взорвался смехом.

– И ничего он не круче, – вспыхнул Гимор. – Он глава какого-то вшивого клана, а я между прочим…

– Да-да, – пропищал своим гномьим голосом Флоин, перебивая. – В розыске в девяти из тринадцати королевств. Мы слышали. Но вот за что – неизвестно. Может, за публичное испражнение на площади? За такое, говорят, тоже в розыск объявляют!..

Шатёр сотрясался от хохота. Даже на лице Айвора скользнула едва заметная тень улыбки. Но он поднял ладонь, и мгновение спустя смех стих, словно его вырезали ножом.

– Господа, – его голос стал стальным. – Перейдём к делам. Что нам делать с этой ситуацией?

– Вырежем Северную Корону, – пробасил Арканиан из-под шлема.

– У них слишком много воинов, Арк, – возразил Фарго. – Мы не потянем.

– Да и к чему нам этот артефакт? – усмехнулся Торин. – Чем он так особенный? Может, займёмся более насущными делами?

– А может, мы наконец найдём Девятя?! – взорвался Гиви, ударив кулаком по столу. – Хватит бегать за побрякушками!

– Поддерживаю, – кивнул Гимор.

– Молчать, – прошипел Айвор.

Холод пронзил шатёр. Динарх, сидевший справа, напрягся и положил ладонь на эфес меча. Но это было скорее жестом привычным, чем вызовом.

– Мне нужен артефакт, – продолжил Айвор. Его голос будто обволакивал, лишал воздуха. – А что он делает – не вашего ума дело. Считайте это необходимым клану, как воздух.

И в этот миг каждый в шатре – даже Гиви с его несносным хохотом, и Лурц у входа – вжал голову в плечи. Аура Айвора давила, как свод древнего склепа. Казалось, стены шатра трещат под её тяжестью.

Девятя мы найдем, даже не сомневайтесь, – голос Айвора звучал тихо, но каждая нота в нем была словно капля яда. – У меня есть пару идей, где он может быть. Брат как-никак.

Он поднял взгляд, и зеленоватый отсвет свечей лег на его безупречное лицо, делая его еще холоднее.

– Прямое нападение в лоб противопоказано, – продолжил вампир. – У них и вправду больше людей, и у них есть как минимум два сильных мага. Очень сильных… пожалуй, даже сильнее меня. Открытая конфронтация нас погубит. Нам в первую очередь нужно, чтобы клан не вымер. Но и артефакт нам жизненно необходим.

– Что-то ты темнишь, Айвор, – глухо сказал Гиви, не сводя взгляда с темного дерева стола. – Но я с тобой в любом случае. Надо так надо.

– Может, я один или с Динархом вдвоем прокрадусь к ним, и выкрадем артефакт? – проскрипел Гимор, и в шатре на миг послышался только треск свечного огня.

– Маги, – тихо, почти шепотом, но с нажимом сказал Фарго. – Айвор же сказал. Они вас с вашими теневыми штучками на раз раскусят.

Гимор нехотя кивнул, и в тишине заскрипели его зубы.

Арканиан шумно поерзал на стуле, и железо его доспеха простонало, будто недовольный зверь.

– Значит, драки не будет? – пробасил он из-под шлема. – Тогда зачем я здесь?

– Будет, Арк, – губы Айвора дрогнули в почти незаметной улыбке, от которой холод прошел по коже. – Не бойся. Пока вы собирались, я связался с Оружейником. И вот какую информацию он мне принес: Эш взял заказ на этот артефакт. Силы его он не знает, просто хочет денег. Кто заказчик – не говорят, да это и не важно. Через десять дней они будут доставлять его малым отрядом.

Вампир чуть подался вперед, и его тень разрослась по стенам шатра, словно чужая, живущая сама по себе.

– И вот тут-то мы их и схватим. Полным кланом выдвигаться нельзя. Но небольшой отряд в пятнадцать – двадцать голов справится. Я пойду лично. И сам выберу, кто пойдет.

Он на миг замолчал. В темноте за его спиной будто шевельнулось что-то неразличимое.

– Как вам такая идея? – голос его стал тягучим и опасным. – Есть возражения?

Тишина накрыла шатер, как саван. Пламя свечей дрожало, но никто не решался пошевелиться.

– Если нет, – наконец прошипел Айвор, и ледяной холод его слов прошелся по всем присутствующим, – то голосуем. Кто за?..

Все проголосовали единогласно. Никто не осмелился перечить Айвору, хотя тот так и не открыл истинного смысла артефакта. Но вождю Барз-Хай верили – или боялись его настолько, что верили в любую ложь. После голосования вампир оставил у себя лишь Арканиана, Гимора и Динарха, остальных отпустил.

Толпа расходилась молча, будто стая волков, что только что решила, на кого кинется завтра. Лурц уже направился к выходу, когда рядом появился Фарго. Маленький хоббит ступал тихо, но его шаги почему-то всегда отзывались холодом в спине.

– Ну как оно, Лурц? – лениво бросил он, будто разговаривал не с товарищем, а с подопытным зверем.

– Дерьмово, – честно ответил орк. – Насмотрелся такого, что неделю теперь спать не смогу. В дороге и вовсе глаза не смыкал. Только шел и шел. Надеюсь, здесь вырублюсь. Но стоит закрыть глаза – снова эта живая статуя передо мной.

Фарго хрипло усмехнулся:

– Сны – для слабаков. Отоспишься в могиле.

Он пнул камень на дороге и добавил с ядовитой усмешкой:

– Да, Эш – больной ублюдок. В его голове не мозг, а выгребная яма.

Лурц нахмурился:

– А кто он вообще? Я только знаю, что он глава Северной Короны… ну и гоблин.

Фарго хмыкнул и скривил губы в мрачной ухмылке:

– "Глава"… звучит будто кто-то его выбирал. Хочешь знать, как он занял трон?

Орк молча кивнул.

– Он пришёл из леса, днём, – начал Фарго, и в его голосе было что-то похожее на наслаждение. – Весь в кровище, с отрубленной башкой в руках. Подвалил к замку и завопил, требуя встречи с вождём. Орал так, что стены дрожали. На него бросились десяток бойцов – он их порезал, как хлеб на завтрак. Вождь вышел сам, здоровенный орк, топор вертел так, что сам Арканиан ему уступал. Эш рявкнул, кинулся вперёд – и с одного удара снёс башку.

Фарго прищурился, ухмыляясь, как будто снова видел это зрелище:

– А потом он эту голову к себе на ремни прицепил, вместо шлема носил. Ходил с ней, пока мясо не сгнило и черви не полезли. Всё это время вопил одно и то же: "Я ваш вождь! Я ваш вождь!"

Лурц нахмурился и покачал головой:

– Мерзость.

Фарго рассмеялся коротко и зло, как пёс, что почуял кровь:

– Мерзость? Нет, Лурц. Это сила. В Короне неважно, кто ты. Важно, кого ты убил и сколько ещё сможешь. Эш может быть психом, но воин он чёртовски хороший. Потому и держит клан в кулаке.

– А до этого у Барс-Хай были тёрки с Северной Короной? – спросил Лурц, нахмурившись.

– Так… по мелочи, – пожал плечами Фарго. – То в спорах разойдёмся, то на дороге не поделим. Но до открытой конфронтации дело не доходило. Арканиан ведь оттуда выходец. Там он и рубиться научился, и даже дружбу водит с их вторым по значимости зелёным – орком по прозвищу Бес. Тот, в отличие от Эша, башкой думает. Всю дипломатию ведёт, но в битве страшнее любого.

– А чего это Арк к нам ушёл? – поинтересовался Лурц.

Фарго усмехнулся уголком рта:

– Орк, ты же знаешь наше негласное правило в Барс-Хай: о прошлом не спрашивать. Никто особо и не выяснял. Воин он хороший, клану верен – и этого достаточно.

Лурц кивнул. В Барс-Хай хватало и убийц, и насильников, и прочего тёмного сброда. Но, приходя в клан, ты обнулялся: теперь ты – часть целого. За это и шли сюда – и по этой же причине оставались. Клан кормил и защищал, если ты не слабак. Ты всё отдавал ему, и он всё отдавал тебе.

– Айвор говорил тебе про предателя? – вдруг спросил Лурц. – Ты ведь как-никак его преемник.

Фарго скривился, плюнул себе под ноги.

– Не преемник я, понял? То, что он меня вырастил, не даёт никаких бонусов. Да и наш вампир ещё о-го-го, всех нас переживёт. Говорил, да… Но давай не будем об этом. Не нашего ума дело – совет разберётся.

Лурц молча кивнул. Они ещё немного прошли по узким закоулкам трущоб Барс-Хай, мимо коптящих факелов и полуразвалившихся хижин. У выхода на площадь Лурц махнул рукой и свернул к своей палатке, растворяясь в темноте.

Фарго остался один, и ночь сомкнулась над ним тяжёлым колпаком.

Глава 4

Орк, не зажигая свечи, откинул полог и, не разбирая дороги в темноте, рухнул на свой топчан. Тело ныло, глаза слипались, и он уже собирался провалиться в забытьё, когда что-то холодное и острое уткнулось ему прямо в кадык.

– Этот блядский день хоть когда-нибудь закончится?.. – прошипел он, не открывая глаз. – Анавриэн… перестань, пожалуйста. Я устал. Не в настроении для твоих игр.

Нож тут же исчез, и из тени выступила дроу. Серая, словно выточенная из графита, высокая, с насмешливой улыбкой. Она издала протяжное «у-ху-ху», как сова, трижды.

Лурц закатил глаза.

– Обязательно это делать?

И тут в палатку ввалились двое: долговязый человек в плаще по прозвищу Малдрис и хоббит с живыми, чуть наглыми глазами – Финдрик.

– Что-то многовато хоббитов в Барс-Хае, – проворчал Лурц про себя, приподнимаясь на локте.

– Ну, давай, рассказывай сразу с ходу, – сказал Малдрис, хлопнув ладонями, как хозяин, усевшийся в чужом доме.

Финдрик и Анавриэн синхронно закивали и плюхнулись прямо на край топчана.

Орк выругался.

– Чтоб вас всех перекосило… Не могли подождать до утра?

– Мы же твои лучшие друзья, – ухмыльнулся Финдрик. – Разве друзья ждут утра?

Орк криво усмехнулся. Да, если в этом мире и существовало понятие «друг», то перед ним сейчас сидели именно они. Они прошли одно и то же дерьмо, вышли из одного помойного ведра – города, что носил грязное имя Бригга. Там и началась их история.

Лурц закрыл глаза – и воспоминание всплыло само. Запах сырости, тесные улочки Бригги, вечно голодные морды. Они тогда ещё были не кланом, а шайкой – он, Анавриэн, Малдрис и Финдрик. Промышляли грязными заказами: то карман порежут, то охрану разнесут. Спали под открытым небом, дрались до крови, делили последний кусок хлеба.

Их удача казалась вечной… до той ночи.

Они наткнулись на Гимора и Арка. Те выполняли тот же заказ – нужно было снять караван с товарами у западной заставы. Лурц помнил, как они сошлись в ночи. Их было шестеро против двоих. «Шестеро против двоих! – вспоминал он. – Да у нас преимущество!». И всё же бой закончился разгромом.

Анавриэн, окровавленная, с рассечённой щекой, пыталась ещё вырвать клинок из рук Арка. Малдрис рухнул в грязь с выбитым плечом. Финдрик стонал, прижатый сапогом к земле. Сам Лурц, уже собравший остатки силы, произнёс заклинание – и пламя вспыхнуло в его ладонях. Но Арк лишь рассёк огонь, будто дым, и одним ударом отправил его в беспамятство.

…Очнулся он уже связанным. Над ним возвышался Гимор с хищной улыбкой.

– Ну что, падаль… – протянул гоблин, облизнув клыки. – Сначала я вырежу уши. Потом глаза. Потом начнётся веселье. Люблю, когда орут.

Лурц сжал зубы. Анавриэн уже рычала, словно зверь, готовая плевать кровью в лицо палачу.

И вдруг Арк положил руку на плечо Гимора.

– Оставь. Они живучие. Толковые. Такие в клане пригодятся.

Гимор зарычал, но руку убрал.

– Думаешь, эти крысы чего-то стоят?

– Стоят, – спокойно ответил Арк. – Лучше иметь их рядом, чем потом снова встретить в подворотне.

Лурц хрипло выдавил:

– И что, альтернатива есть?

– Есть, – холодно улыбнулся Арк. – Либо становитесь частью Барс-Хай, либо… – он кивнул на Гимора, – заканчиваете здесь и сейчас.

Шайка переглянулась. Выбор был очевиден.

– Ну… – Малдрис плюнул кровь. – Хрен с вами. Мы в деле.

Анавриэн сквозь зубы выдавила:

– Только если без подчинения.

Арк усмехнулся.

– В клане все равны. Но слабаки дохнут первыми.

С этого и началась их новая жизнь.

Воспоминание схлынуло. Лурц снова открыл глаза и увидел перед собой тех самых – Анавриэн, Малдриса и Финдрика. Живых, сидящих рядом, таких же бесшабашных, как и тогда.

– Ну что, – пробормотал орк. – Видимо, я от вас всё-таки не отделаюсь…

– А ты и не пытайся, – подмигнул Финдрик. – Мы ведь кланом связаны.

Лурц в третий раз за сегодняшний вечер начал пересказывать историю, когда в полог просунулась знакомая ухмыляющаяся рожа. Мамон – вечно довольный здоровяк, с бутылью мутного первача в руках.

– Ты же сам говорил, что заглянешь, – хохотнул он, потрясая бутыль. – Я ждал, ждал… и не дождался! Вот и сам нагрянул.

– Заходи, Мамон, – махнул рукой орк. – Под твой подарочек куда веселее будет вспоминать.

Мамон протиснулся внутрь, тяжело шлёпнулся рядом с Финдриком, и тут же откупорил бутыль. Вскоре все уже сидели в кругу, и каждый, перебивая друг друга, задавал вопросы.

Смех, перебранки, чоканье глиняных кружек – всё это длилось до глубокой ночи. Лурц ещё пытался бодро вставлять слова, но голова всё тяжелела. Он сначала стал кивать, а потом и вовсе перестал сопротивляться и отправился в мир снов.

Проснулся орк от того, что в палатку ударил яркий солнечный свет – солнце уже стояло в зените. Это было странно: ни один глашатай не поднял его на утреннюю тренировку. А в Барз-Хай дисциплина была суровой, несмотря на видимый хаос. Каждое утро – пробежка, тренировка, спарринги и отработка фигур. Поначалу Лурцу это давалось тяжело, но со временем тело само требовало нагрузки. Даже в одиночных вылазках он неизменно вставал и гнал себя по кругу.

Он вылез из палатки, хрустнул костями, размял плечи, и побежал.

Маршрут его пробежки был привычным. Сначала он обогнул ряды палаток: кое-где пахло гарью от ночного костра, рядом храпели двое забытых товарищей, а чуть дальше на верёвках трепыхались на ветру потные рубахи. Воздух был густой – смесь пота, дыма и железа.

Он выскочил на утоптанную землю перед оружейной, где уже лежали связки копий и щитов, сложенные для следующего выезда. Дерево щитов отдавало прелым запахом, а древки копий поблёскивали свежей смолой.

Пробегая мимо сторожевой башни, он кивнул дремавшему наверху гоблину – тот едва приподнял руку в ответ, снова закрывая глаза от солнца. Чуть дальше, возле тренировочного круга, уже гремел металл – самые ранние воины рубили по манекенам, и звон клинков отдавался в груди тяжёлым эхом.

Петляя между шатрами, Лурц добежал до окраины лагеря – там за частоколом начиналась тёмная стена леса. Снизу поднимался запах сырости, в ветвях кричали вороны, их карканье рвалось в лагерь, как дурное предзнаменование. Он сбросил темп, прислушался – и резко развернулся назад.

Дорога вела мимо зверинца. Варги, втиснутые в клетки, урчали и щёлкали зубами, почуяв орка. Воздух был пропитан смрадом крови и тухлого мяса. Лурц ускорился, отворачиваясь от вони.

Дальше был поворот через кухню – там два поварёнка-орка спорили и кидались костями прямо поверх котлов. Один, заметив Лурца, отскочил в сторону, будто от удара, и сразу зашипел что-то злобное ему вслед.

И, наконец, снова лагерь, снова палатки. Он остановился, тяжело дыша, чувствуя, как сердце колотится о рёбра. Лоб горел, пятки вбивали пыль в землю.

Арканиан вбил в него эту привычку – не словами, а тумаками. И Лурц был благодарен.

Он не пошёл в палатку. После пробежки ноги сами вынесли его на широкую поляну – ристалище, где клан проводил спарринги и учения. Трава там давно была вытоптана и сбита в глину, а посередине стояло древо, в чьём стволе торчал сломанный клинок. Без рукояти, без гарды – только ржавая железяка, вбитая в живое дерево. Теперь металл и древесина срослись, превратившись в немой знак памяти и боли.

Лурц остановился, провёл ладонью по холодному лезвию, выступавшему из дерева, будто отдавая немую дань. Потом отступил и достал своё оружие – огромный двуручный топор.

Он встал в стойку, упёр ноги в землю и начал медленно. Первые взмахи были размеренными, тяжёлыми: топор уходил вбок, воздух разрезало низкое гудение. Лезвие тянуло руки вниз, но мышцы слушались, привыкшие к весу.

Постепенно темп нарастал. Удары обрушивались один за другим – сверху вниз, сбоку, обратным ходом. Лурц шагал вперёд, будто теснил невидимого врага. В воображении он видел противников: эльфа с тонким клинком, варга, прыгающего сбоку, человека с массивным щитом. Топор встречал каждого – со свистом, с грохотом, с силой, от которой дрожала земля под ногами.

Каждый удар сопровождался резким разворотом корпуса, и тяжёлая сталь словно раскалывала воздух. Пыль поднималась облаками, капли пота летели с лица, дыхание превращалось в рычание. Он бился с тенью так, словно самому раз за разом приходилось отступать.

Наконец Лурц сделал мощный круговой удар, будто сметая целый строй врагов, и вонзил топор в землю. Лезвие вошло глубоко, земля дрогнула. Орк опёрся на древко, поднял взгляд на древо с вросшим клинком.

– Стану сильнее, – выдохнул он сипло, почти рыча. – Ещё сильнее.

Солнце обжигало, грудь вздымалась, а вокруг стояла тишина, нарушаемая только его дыханием и далёким карканьем ворон.

Хлоп. Хлоп. Хлоп.

Гулкие удары разнеслись по звенящей тишине. Лурц поднял голову и увидел, как на бревне, скрестив ноги, сидел гном. Солнце цеплялось за его золотые волосы, но бороды у него не было. Возможно, именно из-за этого он и покинул свой клан, прибившись к Барз-Хай.

– Растёшь, орк, – протянул он. – Неплохо выходит. Но когда от бедра бьёшь – ногу не оставляй. Отрубят её тебе к чёрту, и будешь топать с деревянной.

– Спасибо, Гиви, – буркнул Лурц, отдуваясь. – Учту.

Гиви был единственным мастером двуручного топора в Барз-Хай. На его древке пестрили разноцветные тряпицы – знаки пройденных испытаний. Самая длинная, лазурная, выделялась особенно: её давали только тем, кто доказал своё мастерство в Столичной гильдии бойцов.

Правила там были просты, но страшны. Заявляешь: «Я – мастер». Тебя выпускают против пятерых таких же, с разным оружием. Двадцать минут боя. Не победить – выжить. Кто выстоял – получает свою ленточку и имя в книге мастеров. Кто не выстоял… того выносят в ближайшую подворотню, и никто даже не вспомнит имени. Таких храбрецов находилось много, но каждый день их ложили десятками.

Потому ленточки стоили крови, и мало кто решался за ними пойти. Но Гиви решился. И выстоял.

Конечно, находились и наглецы, что повязывали себе такие ленты без права, хвастаясь мастерством. Но жили они недолго: любой уважающий себя воин считал делом чести проверить «мастера» на вкус. И клинок быстро находил шею.

А Гиви всё ещё сидел и улыбался своей огромной улыбкой, словно сама смерть в тот день прошла мимо него – и теперь он только смеялся ей вслед.

Лурц тяжело выдохнул, утирая пот со лба и опустив топор на землю. Он смотрел на сияющего Гиви и покачал головой.

– Знаешь, Гиви… – сказал он, с кривой ухмылкой. – Иногда мне кажется, что ты не живой вовсе. Будто тебя смерть уже раз двадцать хватала за шкирку, да каждый раз отпускала. И теперь ты только дразнишь её.

Гном засмеялся, хлопнув ладонью по бревну.

– Так и есть, орчонок! – весело рявкнул он. – Я ей уже надоел. Она, поди, решила: «Да ну его, лучше других забирать!»

Лурц ухмыльнулся в ответ, но внутри у него было другое чувство. Где-то глубоко в груди он уважал Гиви. Уважал за то, что тот прошёл там, где девять из десяти падали. И при этом остался не угрюмым молчуном, а золотым безумцем, смеющимся в лицо самой гибели.

Гиви ещё раз сверкнул своими ослепительно белыми зубами, приподнял бровь и с озорным блеском спросил:

– Ну что, орчонок, сразимся?

В его глазах вспыхнуло пламя задора.

– Только если ты в полсилы, – буркнул Лурц, потирая рёбра. – С прошлого урока до сих пор толком дышать больно… а ведь два месяца прошло.

– Не ссы, орчатина, не обижу! – расхохотался гном.

И словно огромный кот, он легко спрыгнул с брёвен. Орк даже не заметил, как в его руках оказалась верная секира – Горечах. Древко из чёрного ясеня, лезвие, будто выточенное из застывшей молнии. *Да это же точно магия,* мелькнуло в голове Лурца, но ни малейшего шлейфа чар он не почувствовал.

Гиви вышел в центр ристалища, стянул рубаху и повесил её на ограду. Под тканью скрывались мышцы, каменные, словно высеченные из гранита. Гном положил топор на плечи, улыбнулся до ушей:

– Ну что, начнём?

Лурц кивнул. Гном глубоко выдохнул, и казалось, в тот же миг стал крупнее, тяжелее, будто сама земля дала ему сил. Даже его тень вытянулась, разрослась, как будто рядом с орком стоял исполин.

– В бой! – рявкнул Лурц и рванулся вперёд.

Секира орка взмыла снизу, целя прямо в пах сопернику. Но Гиви хмыкнул и с какой-то ленивой грацией ушёл вбок. Лурц, не теряя темпа, развернул оружие сверху вниз и тут же сделал финт, ведя лезвие по низкой дуге к ногам гнома. Но тот играл с ним, словно с новичком, отпрыгивая и смеясь.

– Быстрее! – поддразнивал Гиви.

Сталь пела в воздухе, удары раз за разом рассекали пустоту. Лурц налегал, но вскоре дыхание стало рваным, движения замедлились. Пот катился по лицу, руки налились свинцом.

– Ну что, орк, устал? Теперь моя очередь! – хохотнул гном.

И словно механический молот, его удары обрушились на Лурца. Каждый выпад был точен, каждый замах – стремителен. Орк едва успевал отшагивать, наклоняться, заслоняться древком. И всё же внутри он чувствовал: если бы Гиви захотел его убить – давно бы убил. Сейчас он просто играл.

Вдруг после очередной мельницы гном на мгновение открылся. Лурц, собрав все силы, с рыком вогнал топор в нижнюю часть бедра соперника.

Но клинок прошёл лишь по воздуху: Гиви словно сжался, как пружина, и в последний миг перепрыгнул над лезвием.

– Вжиииих! – засвистел рассечённый воздух.

– Баах! – и обух гномьей секиры впечатался Лурцу прямо в грудь. Орка отбросило назад, земля гулко приняла его, воздух вырвался из лёгких.

Он лежал, широко раскрытыми глазами глядя в небо, хватая ртом пустоту. Дыхание никак не возвращалось.

Гиви шагнул к нему, ухмыльнулся и подал руку:

– Ты почти достал меня, зелёная рожа. Молодец!

– Я… ещё… полежу, – выдавил Лурц, чувствуя, как мир перед глазами плывёт.

– Ну так полежи, – захохотал гном. – Глянь, какое небо сегодня красивое.

Он ещё раз громко рассмеялся и, повесив топор на плечо, зашагал к брёвнам.

А Лурц остался лежать в траве. Синее небо над ним было бездонным, облака медленно ползли, а сердце стучало всё тише и ровнее.

Хорошая всё-таки сегодня погода… – подумал орк, и веки его сами собой опустились.

Глава 5

Лурц лежал на спине, втянув в лёгкие запах пыли, травы и далёкого костра. В груди ещё гудел обух, которым приложил его Гиви, но дыхание понемногу приходило в норму. Солнце стояло высоко и било прямо в глаза, лениво подсвечивая облака.

Гном сидел на брёвнах и, как ни в чём не бывало, насвистывал что-то хмельное, зачищая лезвие Горечаха.

– Ты становишься опасным, зелёный, – бросил он, даже не глядя на Лурца. – Чую, через пару лет мои кости будут трещать, а не твои.

Орк перевернулся на бок и поднялся, тяжело дыша.

– Раньше, – прохрипел он и вытер со лба пот.

Гиви сверкнул улыбкой:

– Вот этого я и жду.

Он спрыгнул с бревна, кивнул Лурцу и ушёл в сторону кухни – туда, где уже разносился запах варёного мяса и пива, а поварята орали друг на друга, размахивая половниками, будто оружием.

Орк остался один посреди поляны ристалища. Несколько мальчишек из младших, что таскали воду в бочки, остановились и уставились на него. Кто-то хихикнул, кто-то уважительно молчал. Лурц поморщился, схватил топор и направился к своей палатке.

Лагерь жил своей жизнью.

Мимо пробежала дюжина молодых – по всей видимости, тренировка с Гимором, потому что лица у них были перепуганные, а шаг – быстрый, будто за ними гналась стая волков. У костра спорили два старых орка: один утверждал, что вино из Южных земель слаще мёда, другой – что это пойло для трусов и настоящему воину нужна брага.

В оружейной Флоин, прищурившись, что-то напевал, точа новый клинок – тонкий, как язык змеи.

Орк шагал по знакомым закоулкам, впитывая шум и запах клана. На верёвках развевались просушенные штаны, рядом девчонка-дроу, хохоча, швырнула мокрую тряпку в парня-эльфа – тот уклонился и выругался. У зверинца снова гремели цепи: варги, чуя день, выли и скребли когтями по прутьям клеток.

Лурц остановился возле древа со сломанным мечом, положил ладонь на шершавую кору и выдохнул. От дерева всегда веяло чем-то древним, забытым, и будто отголоском былых битв. Он поклонился слегка – и пошёл дальше.

До палатки не дошёл – его перехватил Мамон.

– Здорово, зелёный! – улыбнулся тот, тряся бурдюком. – Я тут пивасец раздобыл, эльфийский. Говорят, их бабы под него танцуют так, что и у мертвяка в штанах зашевелится! Будешь?

– Позже, – буркнул Лурц. – Я только что от Гиви по рёбрам получил.

– Ха! Тогда тем более надо! – расхохотался Мамон. – Идём, я как раз пару хоббитов подговорил – они на спор друг другу брови бреют!

Орк качнул головой, но усмехнулся краешком губ. Жизнь в Барс-Хай никогда не была скучной. Даже в редкие минуты тишины клан находил себе развлечения.

И только где-то на краю лагеря, у сторожевой башни, протянулся тревожный гудок рога – короткий, но резкий. Не боевой, нет – скорее сигнал, что разведчики вернулись.

Лурц поднял голову. Кажется, спокойный день подходил к концу.

После сигнала разведчиков ничего страшного не произошло – лишь двое оборванных хоббитов-гонцов протиснулись через частокол и, пошатываясь, потащились к шатру оружейника. Видно было, что они устали и просто приволокли донесения о маршрутах. Лагерь снова выдохнул, и тревожный гул растворился в повседневном шуме.

Лурц позволил себе замедлиться. День шёл своим чередом.

Он заглянул на кухню: поварята устроили настоящий бедлам, один залез на стол и размахивал половником как мечом, другой отбивался крышкой от котла. Вошла Хмель, хозяйка таверны, и одним взглядом загнала обоих по углам. Но когда Лурц прошёл мимо, она подмигнула ему и сунула кусок ещё тёплого хлеба.

– Ешь – сказала она с улыбкой. – С пустым брюхом на битвы не ходят.

Орк поблагодарил и отправился дальше, жуя мягкую корку.

У тренировочного круга он задержался. Арканиан стоял там, как высеченный из камня, и наблюдал, как молодые воины сходились в спарринге. Его взгляд был холоден и беспощаден – каждый промах тут же сопровождался ударом палкой, которой он безжалостно наставлял. «Вот почему он лучший», – подумал Лурц.

Чуть дальше Гимор возился с тенью – то ли тренировался в своей магии, то ли пугал мальчишек, которые боязливо хихикали, когда чёрные силуэты вытягивались и шевелились у него за спиной.

После полудня Лурц присел возле зверинца. Варги гремели цепями, рычали, но один, серый и старый, уставился прямо на него, не двигаясь. Взгляд был тяжёлым, умным, почти человеческим. Орк невольно задержал дыхание, а потом фыркнул и бросил ему кусок хлеба. Варг молниеносно щёлкнул зубами, но глаза не отвёл.

Ближе к вечеру лагерь оживился: где-то раздавались песни, кто-то распевал старую балладу, гномы спорили о прочности топоров, а в стороне эльфы натягивали струны лютни, готовясь к вечерним игрищам. Даже дроу Анавриен мелькнула в толпе – бросила на Лурца ехидный взгляд, но ничего не сказала.

Орк вернулся к своей палатке, усталый, но страшно довольный. День прошёл без крови, без криков, без новых страшных известий. Иногда в Барз-Хай и такое случалось. Он позволил себе немного полежать, глядя в потолок и слушая, как за тканью палатки шумит клан – живой, сильный, полный разноголосого смеха и брани.

А вечером над лагерем протрубил рог – долгий, властный. Это был зов Айвора.

Клан собирался на совет.

Глава 6

Айвор стоял у подножия высокой сосны, рядом с ним – Динарх и Гимор. Вокруг уже начинал собираться клан: от малышей, прижавшихся к матерям, до старых ветеранов, покрытых шрамами. Постепенно толпа выстраивалась полукругом, оставляя князя в центре. Кто-то смотрел с надеждой, жаждя попасть в список, кто-то – с тревогой, боясь услышать своё имя.

Лурц встал рядом с Фарго. Оба молчали, напряжённо глядели на Айвора. Свет от жаровен, расставленных по периметру поляны, выхватывал из темноты суровые лица.

– Знаешь, кто в списке? – спросил орк, не сводя глаз с Айвора.

Фарго покачал головой и буркнул:

– Нет. Айвор сам всех выбирал. Боится предателя…

Лурц кивнул. Дальше он расспрашивать не стал.

Динарх поднял рог и протрубил, протянув гулкий звук над лесом. Толпа стихла. Айвор сделал шаг вперёд, развернул пергамент и поднял голову:

– Клан! – его голос, глубокий и властный, перекрыл даже потрескивание жаровен. – Сегодня мы собрались здесь не ради пиров и песен. Вы знаете: тьма сгущается вокруг нас. Но это не повод для страха – это испытание.

Он обвёл взглядом собравшихся, и в этом взгляде чувствовалась сталь.

– Наша сила не в железе, не в численности. Наша сила – в том, что каждый из вас стоит плечом к плечу с братом и сестрой. Пока мы едины – нас не сокрушить. Пока мы держим круг – враги лишь щепки в бурном потоке!

Айвор поднял руку с пергаментом к небу, и его слова хлестнули, как удар молота:

– Запомните, клан жив, пока мы живём друг для друга! И в этой ночи мы не рабы судьбы – мы её хозяева! Барз-Хай не склонит головы ни перед кем!

– ДАААААААА!!! – взревел клан, и лес задрожал от этого крика.

– Барз-Хаййй!!! – подхватили десятки глоток.

Лурц орал вместе со всеми, чувствуя, как в груди полыхает огонь. *Гениальный лидер…* – с уважением мелькнула мысль.

Айвор опустил руку, и толпа немного стихла. Его голос снова разнёсся над поляной:

– А теперь, братья и сёстры, я зачитаю имена тех, кто отправится со мной. Выходите по одному – и встречайте их как героев!

– ДАААА!!! – вновь прокатилось по кругу.

– Первым в этот поход идёт Гимор, прозванный *Последним Гвоздём*! – выкрикнул Айвор.

Толпа взорвалась: гоблин выскочил вперёд, протянул к небу сжатый кулак, и в ответ раздалось дружное «Уууууу!». Его имя скандировали несколько раз, пока он встал рядом с князем, гордый и довольный.

– Динарх, Тень! – голос Айвора прозвучал резче.

Высокий воин шагнул вперёд молча, лишь слегка кивнув. Его спокойствие вызвало уважительный гул – такие не нуждаются в словах, чтобы показать силу.

– Арканиан! Зелененький! Торэн!

Три фигуры поочерёдно выходили из толпы под одобрительные крики и хлопки. Воины хлопали их по плечам, словно передавая часть своей силы.

– Фарго!

Хоббит, нервно поправив куртку, вышел под хохот и крики поддержки. Даже самые суровые орки уважительно улюлюкали – не каждый малый осмелится встать в один ряд с такими воинами.

– Гиви!

Гном спрыгнул с чурбака и, сверкая зубами, раскланялся в стороны. Толпа взревела так, что даже вороны вспорхнули с деревьев.

– Флоин! И да, кузнеца я тоже беру! – добавил Айвор с улыбкой.

– Ооооо! – протянула толпа, когда массивный кузнец в закопчённом фартуке поднял руку. Многие засвистели и заулюлюкали – кузнец в походе значил, что железо не подведёт.

– Со всеми вопросами подходите к циклопу Одранту, – твёрдо сказал Айвор, а затем продолжил: – Следующий… Кип!

Из толпы молча шагнул вампир с длинным двуручным мечом за спиной. Его холодный взгляд и мрачная аура заставили многих невольно отшатнуться. Но уважение чувствовалось – это был воин без лишних слов.

– Митранг!

В этот момент даже Лурц приподнял бровь. Белокожий гном-альбинос, без одного глаза, шагнул в круг. Он был в клане недавно, и немногие знали, на что он способен. Но тишина, что повисла при его выходе, говорила громче слов – все почувствовали, что Айвор не зря его выбрал.

– Грей!

Толпа взревела: из мрака вышел огромный волк, чёрный как ночь. И прямо на глазах он перекинулся в широкоплечего мужчину с короткими волосами. Шрамы на теле говорили о десятках сражений. Его когда-то держали в темнице, но теперь клан встречал его, как своего.

Айвор улыбнулся краешком губ:

– Дадим дорогу молодым. Со мной идут: Анавриен! Лурц! Малдрис! Финдрик!

Толпа гремела именами, словно вбивая их в историю. Лурц почувствовал, как земля под ногами словно дрожит от одобрения.

– Мамон! – добавил князь.

Весёлый богатырь пробрался сквозь толпу, подмигивая и раздавая шутки направо и налево. Клан встретил его громким смехом и хлопками.

– Но и это не всё, – Айвор поднял руку. – Армир согласился нам помочь. Неофициально, но его люди идут с нами. Встречайте: высший эльф Энтей, наш лекарь!

Из-за спин клана вышел тонкий эльф с белыми волосами, низко поклонился. Его сопровождали две служанки в светлых накидках, а следом шагнул воин в чёрных доспехах, с белым дубом на щите.

– Владискар, прозванный Чёрный Дуб!

Толпа ахнула. Даже у закалённых воинов этот человек вызывал уважение – от него веяло силой и холодом одновременно.

Айвор свернул пергамент. Его голос прогремел в ночь:

– Вот он, наш отряд. Сила клана, его гордость! В моё отсутствие главным остаётся Хмель. Выход завтра к вечеру. А сегодня…

Он поднял руку к небу:

– Сегодня – пир! Как в старые добрые времена! Проводим наших воинов, как подобает Барз-Хаю!

Толпа рванулась вперёд. Затрещали костры, загремели барабаны, зазвучали боевые песни. Ночь превратилась в бурю радости и силы.

Уж что-что, а гулять Барз-Хай умел лучше всего. В этом клану не было равных.

Едва эхо от слов Айвора рассыпалось в вечернем лесу, как на поляну потащили тяжёлые дубовые столы, сбитые наспех, но крепкие, словно из самих корней мира. Их расставили кольцом вокруг огромного кострища, и через мгновение там, где ещё минуту назад была тишина, заклокотала жизнь.

Клан начал пить. Пить страшно – будто в последний раз. Кто-то вытаскивал из тайников бутыли, кто-то корзины с копчёным мясом и хлебом, кто-то прямо с плеча срывал мешочек с сушёной рыбой. Гиви выкатил бочку гномьего пива – такую, что ею можно было укрепить ворота небольшого замка. Хмель и ее поварята сновали меж столов, бросая на доски новые блюда: жареных кроликов, грибы в уксусе, кашу с кусками сала.

Лурц бухнулся на лавку рядом с Мамоном, Анавриен, Малдрисом и Финдриком.

– Лурц, это ты за нас попросил? – прищурился Малдрис. – Или есть какой тайный план? Колись!

Орк мотнул головой:

– Никого я не просил. Я сам в таком же шоке, как и вы.

Анавриен скривила серый носик:

– Странно всё это. Будто мы чего-то не видим. Словно тучи собираются над нашим отрядом.

– Да брось, Ан! – махнул рукой Финдрик. – Всё будет хорошо. Я рад, что мы идём! Сколько можно торчать на этой чёртовой поляне!

– Верно говорит брат-хоббит! – грохнул кулаком по столу Мамон. – Подкараулим этого Эша, шмяк дубинкой по башке – и артефакт наш. Плевое дело!

– Какие грозные хоббитс-ы-ы! – протянул Лурц нарочито тонким голосом, крутя глазами и смешно искажая лицо. – Росточком малые, а всех в бараний рог скрутят!

Компания разразилась смехом. Чокнулись кружками, пена перелилась через край, капая на стол, на колени, на землю. Пир пошёл.

Вскоре Лурц уже пять раз пересаживался за разные столы: пил то пиво, то ядреные настойки, то какую-то едкую барматуху. В груди разливалось тепло, ноги не слушались.

У костра Мамон боролся с эльфом – привычка у него такая, стоило перебрать. Эльф багровел, трепыхался и хлопал ладонью по руке хоббита, сдаваясь, но Мамон лишь довольно ухмылялся и душил дальше, пока их не растащили.

Дым от костра стелился по поляне, смешиваясь с запахом крови и хмеля. Лурц, отхлебнув из кружки, наблюдал, как гоблин Стелл и бледный, как лунный свет, гном Митгарн перерезали себе ладони. Капли алой и странно светлой, почти розовой крови упали в пиво. Они сплели руки и выпили залпом под одобрительный рёв клана.

«Странная парочка», – мелькнуло у Лурца. Стелл был известным болтуном и плутом, а Митранг… О Митгарне не знал почти ничего никто. Лишь то, что он пришёл с севера, и что его молчание весило больше самых громких клятв.

И вдруг, глядя на бесстрастное, изрезанное шрамами лицо гнома-альбиноса, Лурц вспомнил. Историю, которую Фарго, вездесущий коллекционер слухов, пробурчал как-то ночью у костра.

Его звали не Митранг. Или, может быть, звали, но в тех краях, откуда он пришёл, это имя давно выжгли из памяти вместе с родной скалой.

Он был рождён в глубоких пещерах клана Камнекузнецов, где свет солнца считали дурной приметой, а свет кожи – знаком проклятия. Его белизна, молочные волосы и розовые глаза были клеймом с первого вздоха. Дети дразнили «Призраком» и «Бледным червём». Старейшины смотрели с холодным опасением. Но он был сыном уважаемого рудокопа, и клан терпел – пока мог.

Всё изменилось, когда пробудился Древний Каменный Червь. Чудовище, спавшее в заброшенной шахте, приползло за теплом живых сердец. Оно не видело, но чуяло вибрацию шагов, и его пасть, усеянная кристаллическими зубами, перемалывала камень и сталь.

Клан бросил на него лучших воинов. Они возвращались разбитыми, а часто – не возвращались вовсе. В отчаянии старейшины призвали его, альбиноса. «Твоя плоть бела, как кость,

что манит мертвецов, – сказали они. – Твоя кровь холодна. Возьми светящийся камень и иди вглубь. Отведи Червя от наших дверей. Это твой долг перед родом, что терпел тебя».

Это был смертный приговор, красиво упакованный в долг. Он взял не светящийся камень, а два коротких боевых топора отца и пошёл не как жертва, а как охотник. В абсолютной тьме, где его белизна была не проклятьем, а преимуществом (он светился слабым фосфоресцирующим светом, видя контуры стен), он выследил Червя.

Бой был тихим и ужасным – шелест чешуи о камень, скрежет стали о кристалл, сдавленные хрипы. Он не старался убить монстра – это было невозможно. Он ослепил его, вогнав осколки светящейся руды в щупальца-щупьи. Он оглушил, обрушив свод тоннеля на его голову. И, наконец, когда чудовище, яростное и потерянное, металась в ловушке, он подобрался и выколол его единственный светочувствительный глаз – огромную, покрытую плёнкой линзу.

Червь, лишённый последнего чувства, с рёвом прорыл новую нору вглубь земли, навсегда покинув владения гномов.

Но и победитель вышел из тьмы не целым. Кислотная слизь твари выела ему левый глаз и оставила жгучую рану через всё лицо. Он вернулся в зал клана, окровавленный, с дымящейся плотью, держа в руке выколотый хрустальный глаз чудовища как трофей.

Тишина, что его встретила, была красноречивее криков. В его победе увидели не героизм, а ещё более тёмное знамение. Бледный, одноглазый, пахнущий кровью и чуждой магией… Он спас их, но перестал быть даже изгоем. Он стал чем-то иным, чудовищем, которое сильнее других чудовищ.

Он бросил хрустальный глаз к ногам старейшин. Звук, с которым тот покатился по каменному полу, был похож на падающую монету. Он не сказал ни слова. Просто развернулся и ушёл. Из пещер, из клана, из своей прежней жизни. Он шёл, пока не кончились знакомые туннели, пока не увидел непривычный, режущий свет солнца. Он шёл, пока не наткнулся на дозор Бурз-Хай. Его привели к Айвору. Вампир, вечный знаток тёмных душ, посмотрел на бледного, изувеченного гнома, на его пустой взор и топоры, заляпанные не только кровью, и спросил лишь: «Ты умеешь убивать то, что другие боятся даже назвать?»

Митранг (теперь он взял это имя – «Твёрдый против Скорби» на одном из мёртвых языков) молча кивнул.

Хлопок по плечу вывел Лурца из воспоминания. Это был Гиви, кривя рот в ухмылке.

– Задумался, зелёный? Нечего тут лица делать. Пей да веселись! Братцы твои вон как – одним залпом!

Лурц взглянул на Митгарна. Тот, закончив ритуал, аккуратно вытер лезвие кинжала и коротко, почти невидимо, кивнул Стеллу. В его единственном глазу, холодном и ясном, не было ни пьяного веселья, ни братской сентиментальности. Был только спокойный, выстраданный расчёт. Расчёт того, кто смотрел в лицо тьме под землёй и заставил её отступить.

Теперь Лурц понимал, почему при его выходе в Зале Совета повисла такая тишина. Айвор привёл в клан не просто воина. Он привёл живую легенду о том, как одиночка может победить подземный ужас.

Арканиан шатался меж деревьев, сражаясь с невидимыми врагами. Зелененький показывал толпе новобранцев какую-то пантомиму – то ли битву, то ли предательство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.